

Яна КОСТИНЦОВА
(Градец-Кралове)

**Вячеслав Лебедев: Поэма временных лет, Алексей
Эйснер: Конница. Образ революции в творчестве
поэтов литературного объединения «СКИТ»**

**Vyacheslav Lebedev: The Narrative Poem about Distant Times, Alexey Eisner:
The Cavalry. The Image of the Revolution in the Work of the Poets of
the Literary Association Skit (Hermitage)**

The article presents two Russian émigré poets, Viacheslav Lebedev and Aleksei Eisner, both of them were members of Prague literary group Skit poetov (Hermitage of Poets). It focuses on their long narrative poems, Lebedev's *Poema vremennykh let* (The Poem of Temporary Years) and Eisner's *Konnitsa* (Cavalry) and compares the way Russian revolution is reflected in these texts. Eisner gives another version of traditional interpretation of Russia – Europe / East – West relationship, he draws a stylized picture of a conflict between the powerful, wild and primitive eastern force and the fragile, fatigued, overcultivated west. Lebedev, on the other hand, presents Russian revolution and the events it was followed by in the context of world history, using parallels with the French revolution, he interprets it as a part of historical cycle of revolutions, wars.

Key words: Russian émigré poetry; literary group Skit poetov – Hermitage of Poets; Russian revolution 1917

Вячеслав Лебедев и Алексей Эйсер входили в состав литературного объединения «Скит поэтов», которое существовало в Праге с 1922 до 1940 гг. Молодые поэты-скитники работали под руководством организатора и учителя Альфреда Бема, слушали лекции по литературе, выступали на литературных вечерах, обсуждали свои стихи. Авторы «Скита» не были объединены поэтикой, принадлежностью к какой-либо поэтической школе. Их объединял эмигрантский опыт, жизненная ситуация, многие из них присоединились к группе не потому, что они считали себя поэтами, а потому, что искали людей близких, понимающих, связанных судьбой. Тематическое содержание их произведений было разнообразно, стихи отличались поэтическим языком, уровнем дарования авторов. Поэты, разумеется, в некоторых своих стихах рефлексировали и по поводу эмиграции, и на темы, с ней связанные, – расставание, одиночество, жизнь как путь, но ни темы революции, ни темы эмиграции не были в их творчестве доминирующими.

[78]

Вячеслав Лебедев связал с Чехословакией свою жизнь, он учился и позже работал в Праге, его отношение к Чехословакии отразилось и в том, что он переводил чешскую поэзию, например, стихи В. Незвала, Й. Волькера, писал о чешских поэтах. Алексей Эйсер был одним из «возвращенцев», уже в конце 30-х годов его стихи печатались в Москве, в 1940 он вернулся на родину, был арестован, до 1956 жил в ссылке, умер в Москве в 1984 году¹. Лебедев был одним из немногих членов объединения, печатавшихся еще до эмиграции, он продолжал писать стихи и после 1940 года, то есть после «Скита», хотя писал, уже не имея возможности печататься. Он умер в Праге в 1969 году².

В период существования «Скита» стихотворения его поэтов появлялись на страницах эмигрантских журналов, в 30-е годы были изданы четыре сборника «Скит 1–4», отдельные книги стихов, например, «Звездный крен» Вячеслава Лебедева были исключением. Одним из журналов, предоставившим поэтам «Скита» возможность публиковать свои произведения, была «Воля России». В 1928 году журнал

1 КРЕЙД, В. (ред.): Словарь поэтов Русского зарубежья. СПб 1999, с. 276.

2 Подробнее см. «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы. Общ. редакция Л. Н. Белошевой. Москва 2006.

напечатал две поэмы – *Поэма временных лет* Вячеслава Лебедева и *Конница* Алексея Эйснера³. Их издание сопровождалось статьей редактора журнала Марка Слонима *Россия и Европа (По поводу двух поэм)*. Слоним в своей статье анализирует способ, каким Эйснер и Лебедев интерпретируют отношения России и Европы после 1917 года. Он не рассматривает подробно поэтику произведений, объясняя это тем, что поэтический уровень поэм неоспоримо высок, что интерес для него представляют именно политические взгляды, выраженные в поэмах. Поэму Лебедева Слоним характеризует как «западническую», произведение Эйснера он относит к традиции «скифской». Совместную публикацию поэм главный редактор объясняет в начале своей статьи: «Нам показалось, что в известной мере они показательны и типичны – ибо отражают те настроения, которые так часто встречаются сейчас в молодежи, и в России, и за рубежом. Тема, затронутая Лебедевым и Эйснером – старая, вековая. На разные лады менялась она во временах и эпохах, выплывая в новых обликах, но суть ее одна и та же: это проблема Востока и Запада, или, даже точнее, России и Европы».⁴

Поэму Эйснера Слоним интерпретирует в контексте творчества Соловьева, Брюсова, Маяковского и Блока. Он пишет: «Достаточно сказать то, что славянофильское противопоставление растленно-рассудочного Запада богоносной России, пройдя через соловьевский страх «желто-азиатской опасности», превратилось у поэтов символистов в идею столкновения, первобытного нашего скифства с одряхлевшей пресыщенностью западной культуры. [...] Удивительно одно: читаем ли мы Брюсова, Маяковского, или даже Блока – у всех неизменно противопоставление варварства и культуры и навязчивый, неукоснительный образ **физического** столкновения России и Европы и **физической** гибели старого мира. Борьба нового (Россия) и отжившего (Европа) всегда принимает формы нашествия, похода, войны. Эйснер

3 ЛЕБЕДЕВ, В.: *Поэма временных лет*. ЭЙСНЕР, А.: *Конница*. Воля России 1928, № 5, с. 27–43.

4 СЛОНИМ, М.: *Россия и Европа (По поводу двух поэм)*. Воля России 1928, № 5, с. 44.

только более грубо и наивно вскрыл это со своим «седым и грозным командиром», и проходящими полками и эскадронами».⁵

Сюжетная линия поэмы *Конница* проста, автор в ней дает образ триумфального похода восточных армий через Европу – Польшу, Германию, Францию. Слоним в своей статье обращает внимание на способ, каким Эйснер описывает эту армию, на то, что он приводит одновременно и атрибуты, связанные с современными войсками, с современной техникой, и атрибуты, связанные с историческими войсками: «И хотя у него реют аэропланы и стреляют пулеметы, хотя его трубачи и горнисты играют военные сигналы – не чувствуется в его описаниях организованной армии, не говорится в них о современной войне. Случайны тут машины, числа, стройные колонны и стратегические приказы. Их прикрывает «скрип немазаных телег» и «рев мужицких толп». Орда движется в Европу».⁶ Именно эти два пласта лексики, характеризующие восточную армию, важны для интерпретации всей поэмы. Лексика, связанная с современной техникой, отражает реальную актуальную угрозу, включает поэму в современный контекст. В этом смысле необходимо понимать использование таких слов, как: *самолеты, шорох шин и вой гудков, ревут моторы в небе ярком, пулеметы на тачанках, хрипя ползут броневики*, – в них слышится реальная угроза. Другой пласт связан с варварским принципом, он не вызывает и не должен вызывать представление конкретного способа боя, он показывает контраст между Россией и Европой, между русской стихийностью, жестокостью, примитивной силой и европейской слабостью, усталостью. Эта примитивная сила выражена посредством ряда образов: *Легко вонзятся в небо пики. / Чуть заскрежегут стремена. [...] Свистя сверкнул палаши тяжелый, [...] И варвары баварским пивом / Усталых поят лошадей. [...] Опять, блестя, взлетают шашки, [...] Париж встревоженно услышал / Однообразный цок подков. [...] журчанье шпор...* Контраст между Востоком и Западом автор показывает и при помощи

5 СЛОНИМ, М.: *Россия и Европа (По поводу двух поэм)*. Воля России 1928, № 5, с. 44–45.

6 СЛОНИМ, М.: *Россия и Европа (По поводу двух поэм)*. Воля России 1928, № 5, с. 45.

экзотических мотивов, чуждых европейской среде: ...*Вьются желтые драконы / Манджурских бешенных полков. [...] С веселым гиком казаки / По тротуарам джигитуют, / ...Черкесы вспоминают горы.* Этот контраст Эйснер изображает и посредством сексуальных символов, стихийный Восток представляет собой мужской принцип, Европа принцип женский. Мужская энергия приносит и насилие, но вместе с ним и обновление, Восток насилует Европу и одновременно передает ей новую энергию.

Совсем по-другому изображает отношения Европы и России Вячеслав Лебедев. В отличие от Эйснера он пишет о конкретных исторических событиях. Уже в названии *Поэма временных лет* Лебедев выражает свой взгляд на современность – эпоху, начавшуюся в 1917 году, он считает эпохой временности. Это и временность историческая, временной этап в историческом развитии России, и временность индивидуальная, временной жизненный этап эмигранта, который может быть закончен только возвращением на родину. В отличие от Эйснера, создавшего в своей поэме новый вариант традиционного конфликта между Востоком и Западом, Лебедев пишет о конкретных исторических событиях. Отдельные главы его поэмы посвящены особым этапам современной истории России: февральской и октябрьской революциям, гражданской войне, эмиграции – и этапам индивидуального пути участника этих событий, русского эмигранта. Путь, по которому идет эмигрант, герой поэмы, был и путем самого Лебедева. До революции он жил в Петрограде, служил в Белой армии, был эвакуирован, через Балканы он прибыл в Прагу. Его поэма, конечно, не ограничивается повествованием о конкретных исторических событиях с автобиографическими мотивами, она дает интерпретацию этих событий, раскрывает философскую концепцию истории поэта.

Первая глава поэмы изображает дореволюционный Петроград, основной характеристикой которого является стабильность, континуальность. Время протекает медленно, монотонность, регулярный ритм подчеркивают традиционные ритуалы: *Еще был четок шаг времен / В те дни под барабан столетий, [...] ...В двенадцать – пушка. И развод / У Александровской Колонны.* Символом стабильности, традиции является и Медный всадник. Но эта стабильность только призрачная,

кажущаяся, в конце первой главы медленно протекающее время переходит в эпоху динамическую, наполненную движением, которое позже перерастает в хаос: *Еще гремели дни столицы, / Уже сочтенные... – И вот / Февраль заводит хоровод*. Именно хоровод символизирует начало динамического, драматического времени, во второй и третьей главах поэмы он сначала выражает надежды, связанные с весной 1917 года, а далее показывает, как радостный весенний танец переходит в дикий бег последующих событий.

Революционные события в России Лебедев помещает в контекст мирового исторического цикла, революцию он показывает как одно конкретное проявление повторяющейся исторической схемы. Такую интерпретацию исторических событий автор дает и в своей лирике, например, в *Стихах о современности*.¹ Включая русскую революцию в исторический контекст, Лебедев часто использует параллели с французской революцией – песней свободы является «марсельеза»; повторяющуюся судьбу императоров он показывает посредством французской династии: – *Одни законы / Ведут наш мир в иных мирах. / Судьба последнего Бурбона / Звучит в различных именах...*

События февраля 1917 года в поэме связаны с образами весны, зари, молодости, которые символизируют новое начало, надежду. Октябрь 1917 года – насилие и хаос: *И вот пришел на смену марта / Железный скрежет октября. [...] И над столицей две Авроры / Огненно-перстые взошли*. Россию автор изображает как корабль, потерявший направление, уносимый сильным течением – стихийными революционными событиями: *...крен российской непогоды / Уже не выправил штурвал / В руках неопытной Свободы. / И вот, не слушаясь руля, / Летит в бушующей стихии / Корма родного корабля / С певучим именем «Россия»...*

Следующие четыре главы поэмы посвящены теме эмиграции, в них выражена и боль, и надежда эмигранта, прощающегося с родиной, и критический взгляд на русских эмигрантов, уже обустроившихся в Западной Европе. Лебедев пишет о *мошенниках и дезертирах*, о бывших солдатах, которые *Маршировали по песку [...] И в греческие*

1 ЛЕБЕДЕВ, В.: *Стихи о современности*. In: *Звездный крен*. Прага 1929.

*рестораны / Несли весеннюю тоску, / Чтоб там, среди вина и шуток, /
Международно опьянев / Искать французских проституток / И находить
– ростовских дев... о бывших героях: На пиджаки сменив мундиры [...]
Летят в экспрессах «nouveau-riches» / Из добровольческих героев...*

В последних двух главах поэмы Лебедев пытается дать ответ на вопрос «Зачем мы здесь?» – главный вопрос, который тревожил интеллектуалов, философов, писателей, оказавшихся после революции в эмиграции. Ответ Лебедева на этот вопрос является поэтическим вариантом размышлений многих других эмигрантов, размышлений, в которых повторно появляются три ключевых слова «родина, свобода, культура». По словам Семеновой, например, Зинаида Гиппиус видела смысл изгнания в том, чтобы «выучиться свободе».⁸ И Лебедев интерпретирует эмиграцию как миссию, задачу, и смысл этой задачи он ясно формулирует в последних двух главах своей поэмы. Выполнять эмигрантскую миссию – это значит учиться, по интерпретации Лебедева, эмигранты должны учиться у Европы, брать уроки европейской истории, культуры, а также прислушаться к эху прошлого, к эху времен Петра Великого: *И здесь, в Европе, о, недаром / Сквозь грохот корабельных дней / Стук башмаков его слышней / По амстердамским тротуарам.* Идя по следам, которые в Европе оставил Петр I, эмигранты могут вернуться к своим корням, к исторической традиции, потерянного наследия.

Марк Слоним считал позицию, выраженную в поэме Лебедева, слишком «униженной» по отношению к Западу: «Конечно, опасность лебедевского западничества в том, что он перегибает палку в другую сторону. Скифствующие хотят Европу сбросить в прах и грязь, а он нам предлагает перед Европой принять позу смиренного ученичества».⁹ С этим критическим взглядом, конечно, можно согласиться, и Лебедев, и Эйснер проявляют в обсуждаемых произведениях

[83]

⁸ СЕМЕНОВА, С.: *Русская религиозно-философская мысль и пореволюционные течения 1930-х годов в эмиграции*. In: *Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов*. Москва 2003, с. 291.

⁹ СЛОНИМ, М.: *Россия и Европа (По поводу двух поэм)*. Воля России 1928, № 5, с. 56–57.

радикальные взгляды, создают и предлагают читателю экстремальные образы. В тексте поэмы Лебедев конкретизировал призыв «учиться» в образах русских студентов, заполнивших аудитории европейских университетов, но его «учиться» относилось не только к русским студентам, которые использовали возможность приобрести в Европе образование, призыв учиться был и призывом использовать жизненный опыт, опыт эмигрантской судьбы. Эта задача касается и поэта, писателя, Лебедев ее повторял не только в своих стихах, а также в своих прозаических текстах, в статьях, в которых он оценивал в творчестве писателей-эмигрантов не ностальгию, тоску, воспоминания, а свежий голос, вдохновленный современной жизнью, современной европейской культурой.¹⁰ И в *Поэме временных лет*, и в других своих произведениях Лебедев изображал революционные события как события трагические, вписывающиеся в исторический контекст, в исторический цикл революционного и военного насилия. Одновременно он обращался к своим читателям с ясно сформулированной целью, которую, по его убеждению, перед русскими поставила эмиграция: *Мы умирать всегда умели, / А надо научиться – жить!..*

Представленные в статье поэмы не отличаются ни новаторством в области поэтического языка, ни оригинальностью мыслей. Это тексты, в которых отразились настроения одного поколения первой волны русской эмиграции, в них слышен и голос молодых пражских поэтов, и эхо дискуссий, прений, которые велись в эмигрантских литературных салонах, литературных объединениях, и на страницах журналов. При чтении русской эмигрантской литературы перед нами естественно открывается широкий контекст, в котором русские авторы стремились определить свою позицию по отношению к русской дореволюционной истории, актуальной советской действительности, изменившейся после мировой войны в Европе. Поэтому стоит к этим текстам возвращаться, уделять им соответствующее внимание.

10 ЛЕБЕДЕВ, В.: *Поэзия и современность*. Воля России 1931, № 3–4, с. 314–320.
ЛЕБЕДЕВ, В.: *О красных лапках, дедушкиных портретах и голом короле*. Воля России 1930, № 7–8, с. 655–661.